

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДА АНАЛИТИЧЕСКИХ СКРЕП
В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА
(казымский диалект)**

Исконными разновидностями полипредикативных конструкций (далее ППК) в хантыйском языке, относящиеся к урало-алтайской типологической общности, являются синтетические и аналитико-синтетические монофинитные конструкции, в которых сказуемое зависимой предикативной единицы (далее ЗПЕ) выражено инфинитной формой глагола – причастием или деепричастием. В отличие от самодийских языков на севере Сибири и от тюркских языков Южной Сибири, в которых синтетический способ используется очень широко, в казымском диалекте хантыйского языка, по нашим подсчетам, представлено всего 4 синтетические конструкции и около 40 аналитико-синтетических [Кошкарёва 1991]. Кроме того, нами выявлено около 50 аналитических показателей связи частей бифинитных ППК, сказуемые обеих частей которых выражены финитными глаголами. Таким образом, в системе ППК хантыйского языка конструкции с аналитическими показателями связи составляют около или даже более половины.

Все средства связи частей ППК мы, вслед за М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [1987], будем называть **скрепами**. Применительно к хантыйскому языку этот термин чрезвычайно удобен. Традиционно использующиеся в русистике термины «союз» и «союзное слово» не охватывают всего разнообразия показателей связи частей предложения, в том числе и морфологических, встроенных в словоформу [Черемисина 1973]. В хантыйском же языке таких категорий слов, которые можно было бы назвать «союзами» в их классическом определении, вообще нет. Все те слова, которые в хантыйском языке выступают в роли аналитических связующих компонентов, по традиционной классификации частей речи следует отнести к частицам, послелогам или местоимениям. Именно эти части речи служат источником формирования фонда аналитических скреп в современном хантыйском языке.

Сферой функционирования бифинитных ППК с аналитическими скрепами являются, прежде всего, публицистические тексты, естественно в значительной степени подвергающиеся воздействию со стороны русского языка. В языке фольклора они употребляются значительно реже.

Материалом для данной статьи послужили публикации из газеты «Ханты ясаң» («Хантыйский язык»; прежнее название «Ленин пант хуват» – «По ленинскому пути»). Она является основным источником фор-

мирования аналитических средств связи частей ППК в силу характера публикуемых материалов, среди которых обязательно представлена официальная хроника, документы нормативного характера и т. п., неизбежно предполагающие перевод с русского языка или сильное воздействие с его стороны. Это обусловлено необходимостью выразить на хантыйском языке определенные смыслы и отношения между событиями, свойственные официально-деловой, публицистической, научной сферам общения, которые изначально хантыйскому языку не были присущи.

В качестве «эталона сравнения», условно принятого за «стандартный» хантыйский язык, используются фольклорные тексты: сказки, старинные и бытовые рассказы, в которых описывается повседневная жизнь и похождения героев, представлены монологи и диалоги, отражающие особенности живой разговорной речи. Обрядовые и песенные формы фольклора для анализа не привлекались.

Обращение к фольклорным источникам обусловлено тем, что на казымском диалекте хантыйского языка до сих пор отсутствуют художественные прозаические произведения, между тем как поэтических сборников издано довольно много. Исключением не является и книга А. М. Сенгелова «Касум ики путрат» («Рассказы старого ханты»), включающая значительный пласт фольклорных текстов. Интересным образцом оригинального произведения на хантыйском языке являются воспоминания С. П. Кононовой «Рот мувевмн восум ма», опубликованные в нескольких номерах газеты «Ханты ясаң» за 1991 г. (около пяти газетных полос) – по сути дела, небольшая повесть о детстве, проведенном в традиционной хантыйской семье.

В примерах сохраняется орфография первоисточника. Если пример сопровождается глоссированием, то оно выполняется в финно-угорской транскрипции.

Фольклорный и публицистический корпусы текстов существенно отличаются друг от друга по признаку стратегии развертывания повествования. Под влиянием русского языка происходит изменение порядка слов в простом предложении, а вместе с ним и изменение порядка следования главной и зависимой частей ППК.

Хантыйский язык характеризуется нейтральным порядком слов SOV (ср. русский SVO), при котором финитный глагол устойчиво занимает конечную позицию в предложении и служит маркером конца предложения. Расположение субъекта и объекта (а также и других возможных членов предложения) в позиции перед глаголом относительно свободно и регулируется актуальным членением: рематической является позиция непосредственно перед глаголом. Однако из русского языка заимствуется такое расположение слов, при котором рематический компонент выносится в абсолютный конец предложения, в позицию после глагола.

Например:

[Что дал богатырь женщине?]

Моц похатүр имийа мäs^{T/R} ар сорни вух. (СНХ: 7)

моц	рохатүр=Ø	имийа	мäs=Ø
сказочный	богатырь=NOM	женщина=DAT	дать=PAST=SUBJ/3Sg
ар	сорни	вдх=Ø	
много	золотой	деньги=NOM	

‘Сказочный богатырь женщине дал много золотых денег.’

Ср. канонический порядок слов: *Моц похатүр имийа ар сорни вух мäs* – Сказочный богатырь женщине много золотых денег дал.

Аналогичное изменение порядка следования частей происходит и в ППК. Для хантыйского языка типична препозиция ЗПЕ, в абсолютном конце которой оказывается либо послелог, либо падежный показатель, выполняющие роль скрепы. ГПЕ при этом завершается финитным глаголом. Тем самым принцип маркирования конца предложения личной формой глагола сохраняется. Например:

Лүв хути шартәң хө вьдмаз пәти дидәңа хйцәс. (СНХ: 39)

лүв	хөтј	шартәң	хө	вөлт=а=а	пәтј
он	ведь	шаман	мужчина	быть=PP=3Sg	из-за
лјләң=а	хәс=әс=Ø				
живой=DAT	остаться=PAST=SUBJ/3g				

‘Он ведь в живых остался, так как был шаманом.’

Однако в газетных текстах воспроизводится порядок следования частей, характерный для русского языка: в нейтральных предложениях ЗПЕ следует за ГПЕ, например:

Лүв мойцәсы шуши мирәт культура вер әхтйин хүв мәр, яма рәпиттад пәта, на нәптәд 60 ода ювмаз пәта. (ХЯ. 12.02.2005. В. Аликов «Округ дума 35-мит мирхот»)

лүв	моцјләс=ј=Ø	шәсј	мир=әт	кул'tура
он/а	подарить=PAST=PASS=SUBJ/3Sg	местный	народ=PI	культура
вер	охтјп хүв	мәр	јәм=а	рәта
дело	на	долгий	время	хороший=ADV
пәрт=әл		60	әл=а	работать=PrP=3Sg
век=POSS/3Sg/Sg		год=DAT	стать=PP=3Sg	из-за

‘Она была награждена за то, что долго и хорошо работает на культуру родного народа и в связи с 60-летием.’

Такая перестановка частей приводит к тому, что формальное маркирование переносится с зависимой в смысловом отношении части на главную. В причинно-следственных предложениях, в частности, показатель

связи перемещается с той части, которая обозначает причину, на часть, обозначающую следствие. При этом основное средство выражения причинно-следственных отношений – послелог *päta* ‘для; из-за’ – сочетается с указательным местоимением *ši* ‘этот’, формируя скрепу с семантикой следствия *ši / šit päta* ‘поэтому’.

Ма вәйтдум, хути лүв хүд вельпәсләты вера сәмән, ици пәта лүведа хурамәң шайпүт на кәт карты анңән мойцадум. (ХЯ. 12.02.2005. Л. Спирыкова «Хәннәхә пәла сәмән»)

ма	војәт=л=әм	хөтј	лүв	вел.пәслә=тј	вер=а
я	знать=Pr=SUBJ/1Sg	как	он	охотиться и рыбачить=PrP	дело=DAT
сәм=әң	ši	päta	лүведа	хөгамәң	šaj
сердце=ADJ	этот	из-за	ему	красивый	чай
kät	kartј	an=ңәп	моцјлә=л=әм		котел и
деа	железный	чашка=Du	подарить=Pr=SUBJ/1Sg		

‘Я знаю, как он любит охотиться и рыбачить, поэтому я ему красивый чайник и две железные чашки подарю.’

Еша вәд йидуп ол нитәд, ицит пәты лүв нутәртәс, муј дыв мәнум ол мәр вәрсәт. (ХЯ. 25.11.2006. Надежда Новыхова)

јеша	вој	јиләр	әл	рит=әл=Ø	шит	päta	лүв
скоро	новый	год	стать=Pr=SUBJ=3Sg	этот	из-за	он	
pötәрт=әс=Ø		мој	лјв	мән=әм	әл	мәр	
говорить=PAST=SUBJ/3Sg	что	они	идти=PP	год	в течение		
вер=с=әт							
сделать=PAST=SUBJ/3PI							

‘Скоро наступит новый год, поэтому он говорил, что они сделали в прошлом году.’

Ср. выражение тех же самых отношений при помощи монофинитной конструкции, в которой показатель связи находится в причинной причастно-послеложной ЗПЕ, стоящей в препозиции по отношению к ГПЕ:

Йидуп ол еша вәд нитты пәты лүв нутәртәс...

јиләр	әл	јеша	вој	рит=тј	päta	лүв	pötәрт=әс=Ø
новый	год	скоро	стать=PrP	из-за	он	говорить=PAST=SUBJ/3Sg	

‘Так как скоро наступит новый год, он говорил...’

Таким образом формируются следственные ППК, которые первоначально как особая, структурно маркированная разновидность, отсутствовали. Отношения следствия в хантыйском языке, прежде всего, выражаются в бессоюзном сложном предложении. На них указывает лексическое средство – наречие следствия *širn* ‘поэтому’, например:

mӕnɔttj nɛʂ al'='m=en širn mӕn='tj mɔsl
 меня-то оказывается обещать=PP=2Sg поэтому идти=PrP надо
 'Ты меня, оказывается, пообещал, поэтому придется идти.'

Конструкции, формируемые скрепами *ši / šit p̄ta* и наречием *širn*, являются синонимичными. Совершенно очевидно, что выразителями отношений следствия являются сами названные скрепы. Их синтаксическая функция в том и состоит, чтобы маркировать определенный тип отношений между двумя событиями, поэтому мы присваиваем им статус «скрепы». Однако в русистике принято считать, что указательные Т-местоимения (*тот, такой, так* и др.), в отличие от относительных К-местоимений (*кто, что, какой* и др.), не являются союзными словами, т. е. их синтаксическая функция как носителей определенного типа отношений игнорируется. Предложения с такими словами причисляются к бессоюзным. В этом отношении хантыйское наречие *širn* эквивалентно русскому *поэтому* и в соответствии с традициями русистики не должно рассматриваться как показатель связи частей сложноподчиненного предложения.

Однако мы присоединяемся к точке зрения С. Г. Ильенко [1982], которая полагает, что Т-местоимения в предложениях типа *Левин оглянулся вокруг себя и не узнал места: так все переменилось* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) и некоторых других следует считать особой разновидностью дейктических показателей связи, а подобные предложения необходимо причислить к сложноподчиненным особой разновидности – *сложнодейктическим* (показатели связи – дейкисы), наряду со *сложноподчинительными* (показатели связи – союзы) и *сложноотносительными* (показатели связи – союзные слова и релятивы).

Чтобы избежать терминологического спора о типе сложного предложения (бессоюзное или сложноподчиненное) и статусе показателя связи (союзное слово или нет), применительно к хантыйскому языку мы будем называть рассматриваемые предложения бифинитными ППК с аналитическими скрепами.

Аналогичные процессы происходят и с другими скрепами: путем преобразования конструкции из монофинитной в бифинитную и перетягиванию скрепы из семантически зависимой в семантически главную часть принцип построения текста смещается. При монофинитной организации текста первым по порядку появляется событие, которое служит «ориентиром», точкой отсчета, относительно которого фиксируется событие ГПЕ. Соответственно, при описании сложной ситуации вначале задаются ориентиры происходящего, а затем уже в текст вводится то событие, которое является предметом описания. Его главенствующий статус марки-

руется и подчеркивается финитным способом выражения. Ср. два отрывка – из фольклорного и публицистического произведений.

В фольклорном произведении временные отношения передаются при помощи причастно-падежной и причастно-послеложных конструкций (предложения 1, 3, 5):

(1) *Вельци ханты мулт=ум=ан, цуран хантэн кӕняра вӕд, худты-худты дув вельци ара дартыдаты титас.* (2) *Шци киньца муь, тада йис там ицки муеван.* (3) *Сус пот=ум артан вӕнта манас.* (4) *Шци вӕнт хот хар верас.* (5) *Йетн ходмес=м=ад юпиян, рымхум=ты вӕнта, хӕддӕз: мулды иса цу сацд.* (6) *Хӕдтадан: вов-вов-вов.* (7) *«Па цит, мата мулды янхум муеван-йицкеман цимац сый па иса ант хӕддясум.* (8) *Шцит дув и муь увад?»* (ККО-1: 64)

(1) Когда человек был только что сотворен, тогда людей было еще мало, только-только они стали расселяться. (2) Так вот наступила зима на этой нашей холодной земле. (3) Осенью, когда реки замерзли, (человек) пошел в лес. (4) В этом лесу сделал стоянку. (5) Вечером, после того как заночевал, пока не стемнело, услышал: что-то слышится. (6) Прислушивается: вов-вов-вов. (7) «Что же это, по каким бы землям-водам я ни ходил, такого звука никогда не слышал. (8) Кто же это кричит?»

(1) *Вельци ханты мултуман, цуран хантэн кӕняра вӕд...*

wɛłsi ɣ̄antj m̄ll='ɛm='ɛn širn ɣ̄ant='ɛn
 только что человек колдовать=PP=LOC тогда человек=POSS/2Sg/Sg
 kɔŋa='a wɔł='∅
 бедный=ADV быть.Pr=SUBJ/3Sg

'Когда человек был только что сотворен, тогда людей было еще мало...'

(3) *Сус потум артан вӕнта манас.*

s̄us pɔt='ɛm artn wɔnt='a m̄n='ɛs='∅
 осень замерзнуть=PP когда лес=DAT идти=PAST=SUBJ/3Sg

'Осенью, когда замерзло, (человек) пошел в лес.'

(5) *Йетн ходмесмад юпиян, рымхумты вӕнта, хӕддӕз...*

jɛtn ɣɔłmes='m='al j̄ipijn ɣ̄mɣɛm='ti wɔnta ɣɔł='ɣ='ɛle
 вечером заночевать=PP=3Sg после стемнеть=PrP до услышать=Pr=OBJ/3Sg/Sg
 'Вечером, после того как заночевал, пока не стемнело, услышал...'

Основная линия повествования данного отрывка связана с описанием событий, происходящих с человеком: (1) людей было мало, (3) человек пошел в лес, (5) человек услышал какой-то звук, (7) прежде такой звук

человек не слышал. Все эти события названы финитными глаголами, которые поддерживают непрерывность повествования и преемственность от предложения к предложению главного субъекта рассказа. Второстепенные обстоятельства осуществления данных действий выражаются «второстепенными» грамматическими формами – причастными конструкциями.

В приводимом ниже отрывке из газетного текста маркирование зависимости одного события от другого грамматически выражается не так отчетливо, а оформление границы между предложениями перемещается с его конца (финальная позиция финитной формы глаголы) на начало (инициальная позиция показателя отношений между названными событиями):

(1) *Тәм хурн нын педана вантәд айкедәт акәтты неңие* Ольга Зеленина. (2) *Лүв Ямал мұв әвәдт мұң хуцева юхтас, вәндэмыдәс Нижневарттовской пединститутән Ёмовш филиалн.* (3) *Щи юпийн тәм хурамәң эвие телевиденияйн рәпиттты титәс.* (4) *Ин вәнты* Ольга Зеленина *иуши мирәт пәта телевизор хуәйт арсыр айкедәт тәд, ям, будәң хәнты хуятәт одәңән путәртәд.* (5) *Лүв округевн арсыр тәхетән, ай кәртәтн, вәнт шушетн вәс.* (6) *Муй ыәта вантәд, иса мирева путәртәд. ... (7) Ләңхадүв, ләдн дүв на ар од мұң мирев пәты ат путәртәс, ям хуятәт пида ат вәйтантыдәс* (ХЯ. 13.01.2006. Надежда Новыхова).

Все сказуемые в этом фрагменте выражены финитными формами глагола, в нем нет ни одной монофинитной конструкции, хотя между описываемыми событиями устанавливаются самые разнообразные отношения: временные (предложения 3, 4), отождествительные (предложение 5), изъяснительные (предложение 6). При этом выражение временных отношений между двумя событиями выходит за рамки одного предложения и

(1) На этой фотографии на вас смотрит корреспондент (букв.: новости собирающая женщина) Ольга Зеленина. (2) Она с Ямала к нам приехала, училась в Нижневарттовском пединституте, Ханты-Мансийском филиале. (3) После этого эта красивая девушка на телевидении работать стала. (4) С этих пор Ольга Зеленина для коренных народов по телевизору разные новости ведет, о хороших хантыйских оленеводах рассказывает. (5) Она в округе в разных местах, в разных деревнях, в стойбищах побывала. (6) Что там видит, все людям рассказывает. ... (7) Мы хотим, чтобы она еще много лет для наших людей рассказывала, чтобы с хорошими людьми встречалась.

передается серией простых предложений. В начале каждого из них находится межфразовая скрепа, сформированная на базе сочетания указательного местоимения и временного послелого (*ši jūpijn* ‘после этого’, *in wōnti* ‘с этих пор’). Таким образом, временные отношения в данном тексте строятся на основе анафорических отсылок к сказанному ранее, при этом ни одно из событий грамматически не интерпретируется ни как главное, ни как подчиненное, структурно все они равноправны.

В фольклорном тексте при необходимости описать последовательность нескольких событий используются лексические повторы или синонимические замены, при которых один и тот же глагол (или синонимы) стоит сначала в финитной форме как обозначение основного события, а затем в инфинитной форме, если названное им событие, в свою очередь, служит ориентиром для последующего, например:

Щи пурайән Кар ики икилэ пэда лупийл: «...». Щит лупмад йүпийән ким ибимәс. (СНХ: 39)

ši	roʒaj=p	kar iki	iki=le	peʒa	lɔpɨj=ʌ=∅
этот	время=LOC	PN	мужчина=DIM	на	говорить=Pr=SUBJ/3Sg
šit	lɔp=m=al	jūpijn	kim	šoʒm=es=∅	
это	сказать=PP=3Sg	после	наружу	пойти=PAST=SUBJ/3Sg	

‘Тогда Кар ики мужичонке сказал: «...». После того как это сказал, на лицу пошел.’

Лүв цих титәс, кәт-вәт хәтәд удәс на вәдци нух дидәндәс. Нух титмад йүпийән йәм хүв вәс. (СНХ: 33)

lūw	šix	pit=es=∅	kät	wet	χätl
он	смерть	стать=PAST=SUBJ/3Sg	два	пять	день
ɔl=es=∅			pa	wel.sɨ	nɔχ
лежать=PAST=SUBJ/3Sg			и	потом	вверх
nɔχ	pit=m=al	jūpijn	jäm	χūw	wɔs=∅
вверх	стать=PP=3Sg	после	хорошо	долго	жить=PAST=SUBJ/3Sg

‘Он умер, десять дней полежал и потом ожил. После того как ожил (букв.: поднялся), хорошо долго жил.’

Таким образом, все события – и главные, и подчиненные – получают в тексте предикатное выражение (финитное или инфинитное). Анафора же в подобных контекстах является средством компрессии смыслов, их более компактного представления, по сути дела она представляет собой редукцию ориентира. Для хантыйского языка в целом свертывание пропозиций не характерно: в нем действует тенденция к предикатному выражению диктума. В отличие от русского языка, в котором возможны простые модус-диктумные предложения типа *Мама радуется возвращению сына* (> Мама радуется тому, что сын вернулся), в хантыйском вы-

движение на первый план – в предикатную позицию – модусной интерпретации (в данном случае – эмотивной реакции) невозможно, как невозможно и выражение диктума в свернутом виде – девербативом. Наличие в глагольной парадигме наклонения неочевидного действия, имеющего семантику реактивности, позволяет расставить акценты иначе: на первый план вывести обозначение диктумного события, а реакцию на него представить в максимально свернутом виде – аффиксами глагольной категории неочевидного наклонения.

Скрепты типа *ši jūrijn* ‘после этого’, *ši kūtñ* ‘в это время’, *ši artñ* ‘в это время’, *ši pōrajñ* ‘в это время’, *ši mār* ‘в это время’ и мн. др. не являются инновацией газетного текста. Они довольно частотны и в фольклорных произведениях. Новой является сфера их функционирования. В фольклорном тексте они выступают как межфразовые скрепы, причем дают анафорическую отсылку не к непосредственно предшествующему или соположенному событию, а к целой многоплановой ситуации, представляющей собой внутреннюю упорядоченность нескольких событий, например:

*Си ситән едды вадматсәян,
едды холматсәян. Ин имед мүдты
тахела на си манс. Си артән ин ай
нүхләв на ханнехәя йис. Ин эвэлн
вәндүтасы муй тахия мәнты: «...».*

*Партум сирәзн, вәндүтум
сирәзн си манс. Хув мув ки вәс хув
шәшәс, ван мув ки вәс ван шәшәс,
имүдтыян сәрәс хонәң вән саңхума
си юхтәс. Вантыял: йинапа курәң
вой доль. Ювәтсаде, вой иды ке-
рияс. Сив шәшәс, хурсаде, хунәл
пелка сыдемәч хор пеши, хор пеши
сыдемәсы карты ворш вух ворш
нух пәрдас. Нәдан ювтсаде, ил ке-
рияс. Карты ворш, вух ворш
сыдемасы карәң пушхәт иды
ракәнсат. Ситазн манс, юх актәс,
тәрум дуват, мув дуват вән тут
тахәс. Карәң пушхәт сив пунсаде
пунәдүшаты. Етишумел артән йира
хирәтсаде, пелка кутәрсәде, йина*

Так дальше живут, ночуют.
Мать опять куда-то уходит. Тогда
мальчик опять превращается в че-
ловека. Девушка рассказала ему,
куда дальше следовать: «...».

Как указали, как показали, так и пошел. Долгое расстояние если было, долго шел, короткое расстояние если было, быстро шел. В одно время пришел на берег моря к высокому яру. Смотрит: действительно лось стоит. Выпустил стрелу, лось упал. Подошел, разделал желудок, оттуда вылетел железный орел, поднял лук, спустил стрелу, упал орел, разрезал желудок, оттуда выпали три яйца. Тогда он пошел собирать дрова. Когда собрал дрова, запалил большой костер, кинул туда три яйца. Когда они прожарились, убрал с костра, разбил, правда, оказывается, сердце-душа там у ялана. Тогда он встал и говорит: «Когда наступит

*ялань-ики сам-мухәл сята. Ситәл
на вуськәс на лупиял: «Акань вен-
шун наяң тәрум тывтыян, акань
венишун вәртәң тәрум тывтыян
тамәс лымхим, тамәс ялань на
дыв вәдты кемәлн ат вәддәт».*

*Си юпиян аңкел вәтәс... (ККО-
2: 162-163)*

время мужчин с кукольным лицом,
когда наступит время женщин с
кукольным лицом, такие ялани
пусть живут там, где им предна-
значено жить, пусть с человеком
их дороги не пересекаются».

После этого он нашел свою
маму...

В данном тексте сфера действия скрепы *ši jūrijn* ‘после этого’ распространяется на значительный участок текста объемом около страницы и охватывает череду событий от исчезновения матери главного героя до новой встречи с ней. Ср. сужение сферы действия подобной скрепы и употребление ее для выражения отношений между двумя событиями вместо нормативной в данном случае причастно-последложной конструкции:

Утие, йиңкәң пеләк керәтсум, си мәр нәң шенк ар вер версән. (ККО-2: 172)

ōri=je	jɪŋk=əŋ	pelək	kerət=s=əm	
старшая сестра=DIM	вода=ADJ	сторона	обходить=PAST=SUBJ/1Sg	
ši	mār	nāŋ	šəŋk ar	weg
этот	время ты	очень много	дело	сделать=PAST=SUBJ/2Sg

‘Сестра, я водные стороны обходил, ты тем временем много зла сделала.’

Утие, йиңкәң пеләк керәтмем мәр нәң шенк ар вер версән.

ōri=je	jɪŋk=əŋ	pelək	kerət=m=əm	mār
старшая сестра=DIM	вода=ADJ	сторона	обходить=PP=1Sg	время
nāŋ	šəŋk ar	weg	weg=s=əm	
ты	очень много	дело	сделать=PAST=SUBJ/2Sg	

‘Сестра, пока я водные стороны обходил, ты много зла сделала.’

Оправданием использования скрепы *ši mār* ‘в это время’ вместо причастно-последложной конструкции в данном контексте может служить интерпретация события «обходить водные стороны» как длительного процесса, включающего в себя множество разнообразных частных происшествий. В дальнейшем было бы интересно проследить лексическое наполнение частей в предложениях с подобными скрепами по сравнению с причастно-последложными конструкциями.

Аналогом скреп временной семантики, образованных на базе сочетания «указательное местоимение + послелог», служит указательное местоимение *šit* ‘этот’ в лично-притяжательной форме местно-творительного падежа – *šit=//n*, которое помещается в самом начале предложения и обозначает, что описываемые события соположены во

времени или между ними имеется внутренняя логическая связь и преемственность. Это местоимение скрепляет фрагменты текста, поэтому может быть также отнесено к межфразовым скрепам. В следующем примере данная скрепа подводит итог череды событий: они бросили камень, он поймал камень, он бросил камень обратно, камнем убило много людей:

Щэмпэр кэв путали йувэтса, дүйв катэдсэдэ. Щэмпэр кэв путали йухди йувэтсэдэ, корт тэд, вош тэд йохдал и пэлкэл панэн тэсы. Щитэлэрн йухи дунэмэс, ухэд-сэмэд мунтэдмэс, шд удэмтэс. (СНХ: 62)

Бросили они камень Щэмпэр, он поймал. Бросил он обратно камень Щэмпэр, половину людей деревни, половину людей города камень с собой унес. С этим зашел он домой, голову-глаза закрыл, лег спать.

В тексте такая скрепа может быть очень частотной, как в приводимом ниже абзаце, в котором она встречается четыре раза.

Лүв щитэлэрн имэд күниэмэсэдэ, тайңрэмэсэдэ, цэпа хойэдсэдэ. Вош лака мухэдсэдэ, даңат вөрт иса хунтэсэт. Щитэлэрн йудта ньохэдти питсэдэ. Хүв муй ван ньохэдсэдэ, даңат вөрт йудта йухэтсэдэ. Йохдал йинтэсэдэ. Тәмпи таңкэр, тумпи таңкэр тадман йош эсэдсэдэ. Лаңат вөрт и ньод вэй охтийа омсэмсэт. Щитэлэрн ухсуждал нух хурсэдэ, йух тийа нух вуцкэмсэдэ. Щитэлэрн ник мәнэс хопца дэдэс, йухи мәнэс. (СНХ: 65)

С этим он схватил свою жену, сжал-скомкал, в карман сунул. Обошел город, семь богов все сбегали. Тогда он стал их догонять. Долго или коротко догонял, семерых богов догнал. Натянул лук, натянул тетиву, руку отпустил, семь богов на одну стрелу нанизал. Потом волосы с них содрал, на вершину дерева повесил. После этого пошел он на берег, сел в лодку, поехал домой.

Другим функциональным эквивалентом межфразовых скреп со значением общего соотношения событий во времени являются устойчивые по своему лексическому наполнению причастно-последложные конструкции, в состав которых входит указательное местоимение *šitj* 'так', глагол 'жить' в причастной форме и один из временных послелогов, обозначающих длительность, протяженность временного интервала (*artin, pč-rajn, sa, satj, saχət* и др.). Конструкция имеет буквальное значение 'пока

так живут', на деле она подводит итог сказанному и указывает на переход к описанию нового события, например:

(1) *Ин йудэн вѳлтал сати иса олмэца йис. (2) Ацэдэ икийэн айт эсэдэ удти. (3) Лүв имудтийэн шд ци кэрийэс. (4) Ацэдэ ким этдъэс, охдал па сот ньод пунэм сэмэң тивэт йухи мэтишэсэдэ. (5) Щити вѳлтэд сати увэс йурнэт дэдэ йухэтсэт. (СНХ: 37)*

(1) Однажды дома он очень захотел спать. (2) Отец ему спать не разрешает. (3) Он все-таки лег спать. (4) Отец вышел на улицу, лук и сто стрел занес домой. (5) В это время северные ненцы пришли к ним воевать.

(5) *Щити вѳлтэд сати увэс йурнэт дэдэ йухэтсэт.*

šitj	wɔl=t=ɛl	satj	ɔwas	jɔm=ət	ɔal'=a
так	жить=PrP=3PI	пока	северный	ненец=PI	война=DAT
jɔχət=s=ət					
прийти=PAST=SUBJ/3PI					

Букв.: 'Пока они так жили, северные ненцы пришли на войну.'

Ср. более свободное лексическое наполнение предложения 1:

(1) *Ин йудэн вѳлтал сати иса олмэца йис.*

n	jɔlən	wɔl=t=al	satj	isa	ɔlməj	ji=s=ɔ
теперь	дома	жить=PrP=3Sg	пока	совсем	сонный	стать=PAST=SUBJ/3Sg

Букв.: 'Пока дома теперь живет, очень захотел спать.'

Формирование аналитических межфразовых скреп на основе сочетания указательного местоимения и послелога происходит очень активно и ограничено лишь лексическим набором соответствующих частей речи. Так, в роли первого компонента такого сочетания может выступать любое из имеющихся в хантыйском языке указательных местоимений: *ši, šit, šitj, tām, in*, возможность сочетаемости которых с любыми послелогоми или избирательно еще предстоит уточнить. Наиболее продуктивным из всех является, конечно, местоимение *ši*, сочетающееся с послелогоми самой разной семантики: *ši jelpijn* 'перед этим', *ši kūtñ* 'тогда', *ši tōmpijn* 'кроме этого', *ši jūkana* 'вместо этого' и под.

Кроме описанного изменения сферы действия скрепы, которое опирается на внутренние ресурсы языка и обусловлено перестройкой стратегии построения текста в целом, встречаются также и случаи простой контактирования аналитических и синтетических средств, при которых наблюдается двойное выражение одной и той же семантики, например:

Ситы омастэмн кутн хэллэман, камн вулэт си хэхатъялтэл сатъл. (Сенгепов 1994: 15)

šitj	эмас=t=emn	kūtn	хрл=л=emэн
так	сидеть=PrP=2Du	пока	слышать=Pr=OBJ/2Sg/Sg
kamn	wūlet ší	хрхэт'л'э=t=el	sat'л
на улице	олени так	бегают=PrP=3Pl	слышно

'Пока мы так сидим, слышим, (что) на улице олени бегают, слышно.'

В этом предложении используется одновременно два присущих хантыйскому языку средства выражения модус-диктумных отношений. Во-первых, монофинитная подлежащая ППК *kamn wūlet ší хрхэт'л'этел sat'л* 'слышно, что на улице бегают олени', в которой сказуемое ЗПЕ выражено причастием в форме основного падежа (нулевой аффикс). Следование частей друг относительно друга в данном предложении является нормативным: ЗПЕ предшествует ГПЕ. Во-вторых, в предложение вводится модусный глагол слухового восприятия *хрл'л'э* 'слышать', который стоит в форме объектного спряжения. Оно сигнализирует о том, что далее последует объект – воспринимаемая органами слуха информация. Обычно сказуемое ЗПЕ в аналогичных случаях выражается финитной формой глагола, ср.:

[Шци, таңха вуйэмтийэдса, нух щи рэкнэс, нух рэкнэс,] хөддэддэ: имел муйкем хятэмэд – и вана, [имел муйкем хятэмэд – и вана]. (СНХ: 115)

хрл'л'э=л=le	imeł	mōj	kem
слышать иногда=Pr=OBJ/3Sg/Sg	жена.POSS/3Sg/Sg	что	сколько
хятэм=эл=Ø	i	wapa	
пододвигаться=Pr=SUBJ/3Sg	все	близко	

'[Так, наверное, уснул, вдруг проснулся, проснулся –] чувствует: жена понемногу пододвигается – все ближе (к нему), [жена немного пододвигается – все ближе (к нему)].'

Ma wolem nān xūw tǝw ānt jōxətəɫən.

ma	wə=λ=em	nān	xūw	tǝw	ānt	jōxət=λ=ən
я	знать=Pr=OBJ/1Sg	ты	долго	сюда	не	приехать=Pr=SUBJ/2Sg

'Я знаю, (что) ты сюда долго не приедешь.'

В подобной бифинитной конструкции показатель объектного спряжения является аналогом скрепы: он сигнализирует о наличии при модусном глаголе предикативного актанта.

Такого типа предложения являются эквивалентами русских бессоюзных сложных предложений закрытой типизированной структуры с незамещенной синтаксической позицией [Грамматика 1970], которые представлены двумя структурными разновидностями: 1) в линейно первой ПЕ присутствует только глагол психического движения, которое сопровож-

дает процесс восприятия (*прислушаться, приглядеться* и др.), однако собственно процесса восприятия такие глаголы не обозначают, например: *Он оглянулся: позади никого не было* (Ср. *Он оглянулся, но ничего не увидел*, т. е. восприятие не состоялось, несмотря на подготовившее его действие); 2) в первой ПЕ имеются и глагол психического движения, и глагол восприятия, объектная позиция которого остается незаполненной в пределах данной ПЕ. Ее отсутствие восполняет вторая ПЕ: *Он оглянулся и увидел: позади никого не было* (ср. сложноподчиненные изъяснительные предложения типа *Он оглянулся и увидел, что позади никого не было*).

В хантыйском языке в подобных случаях употребляется непереходный глагол в субъектном спряжении, сказуемое второй ПЕ выражено финитной формой глагола. Например:

As tumpi ɛzda wantijəɫ: daɫ ɟi iɟɟ. (СНХ: 113)

As	tōmpi	ɛzda	wantij=əl=Ø	laɫ'	ši	ji=λ=Ø
Обь	за	на	поглядывать=Pr=SUBJ/3Sg	войско	так	идти=Pr=SUBJ/3g

'За Обь смотрит: войско идет.'

Таким образом, готовность к восприятию выражается бифинитной конструкцией, а сам процесс восприятия – монофинитной причастной конструкцией. Если эти два значения лексически разведены, то грамматичным является предложение, в котором объединены оба типа обозначения двух разных ситуаций, например:

Imuɫtjəɫən xōɫəntjəɫ: kət muɫti iɟtən satəɫ. (СНХ: 120)

imōɫtjɛn	хрлэнт'л'э=л=Ø	kət	mōɫtj
наконец	прислушиваться=Pr=SUBJ/3Sg	два	какой-то
ji=t=ən	sat'л		
идти=PrP=3Du	слышно		

'Наконец прислушивается и слышит, (что) два каких-то (человека) идут.'

Такое же дублирование средств выражения одного и того же смысла происходит и в некоторых других типах предложений, в которых для передачи одного и того же значения используются и исконное хантыйское средство, и его аналитический аналог, например:

Imuɫtjəɫən wantijəɫ, xasəna xantət si ɟəxijəɫət xurasun. (Сенгепов 1994: 108)

imōɫtjɛn	wantij=λ=Ø	xāsra	xānt=et	ši	jəxijəɫ=t=el
однажды	смотреть=Pr=SUBJ/3Sg	вроде	человек=Pl	так	ходить=PrP=3Pl
похоже					
хөгасэр					

'Однажды смотрит: кажется, вроде люди ходят.'

В данном предложении синтаксическим средством выражения персуазивности – неуверенности в достоверности воспринимаемого факта – является модус-диктумная причастная конструкция подлежащего типа: *χántat sí jāñχijəl=t=eł χōrasəp* ‘похоже, (что) люди ходят’. Модальная частица *χāspra* ‘вроде’ также выражает неуверенность. Ее наличие в предложении избыточно, так как значение неуверенности присуще самой конструкции, однако может быть мотивировано разграничением сфер влияния: если конструкция выражает сомнение в достоверности факта в целом (ходят ли здесь люди?), то действие частицы направлено лишь на непосредственно следующее за ним имя существительное *χántel* ‘люди’, т. е. выражается сомнение в том, действительно ли здесь ходят люди или кто-то другой. Такое разделение сфер действия в данном контексте возможно, так как речь идет о том, что вначале герой долго шел без дороги и наконец нашел еле заметную тропу. В такой ситуации вполне возможно подвергнуть сомнению и то, что тропа здесь действительно есть (образно она в тексте описывается как «мертводырявая», т. е. нехоженная: *Сурум вусаң йәшү кусты нитсалэ* ‘Мертвую дырявую тропу выслеживать стал’), и то, что по ней ходят люди (а не звери, менки и др.).

В следующем примере дважды выражается значение неочевидности: при помощи морфологической категории – неочевидного наклонения глагола и лексического средства – слова *mätti*, которое в данном примере выполняет роль аналитической скрепы, близкую русскому изъяснительному союзу *будто* в бифинитной модус-диктумной ППК:

Еша вос мувев луваттыйн уша йис, матты кулакат тывмел (ХЯ. 14.12.1991. Е. Кузакова, Т. Себурова «Евра эвалт этасум хо»)

ješa wos müw=ew löwattijn öš=a ji=s=Ø
 вскоре земля=POSS/1Sg/Sg величина ум=DAT стать=PAST=SUBJ/3Sg

mätti külak=ət tjuw=m=eł
 будто кулак=Pl оказаться=PP=3Pl

‘Вскоре по всей земле узнали, будто (они) кулаками оказались=будто.’

В простом предложении слово *mätti* ‘оказывается’ функционирует как частица, привносящая в смысл предложения субъективную модальность. Ср. в следующем предложении значение неочевидности выражено только один раз – лексически, глагол стоит в форме индикатива:

Нәң мәттә йәм амн тайтән.

näj mätte jäm amp täj=λ=ən
 ты оказывается хороший собака иметь=Pr=SUBJ/2Sg

‘У тебя, оказывается, есть хорошая собака.’

Синонимична предыдущей и следующая фраза, в которой единственным и достаточным средством выражения неочевидности является глагольная категория:

Нәң йәм амн тайтән.

näj jäm amp täj=t=en
 ты хороший собака иметь=PrP=2Sg

Букв.: Ты хорошую собаку имеешь=оказывается.

‘У тебя, оказывается, есть хорошая собака.’

В приводимом далее предложении в составе причастно-последложной целевой конструкции используется аналитическая скрепа *ləłn* ‘чтобы’, дублирующая значение послелого *päta* ‘чтобы’:

[Хой янғас там юнтупсэта, хой омсялас ситата телевизор хуват, лув воллэ, муымурт ар йор масат тата касум Мувтэл ар ёх.] лолн нумния нитты олангмит тахет холумты ната (ХЯ. 29.03.2003. В. Аликов «Па пуш вонта хасила, Ёмвошие!»)

ləłn nūmrija pit=tj oləŋmit täxet χələm=tj päta
 чтобы вверх стать=PrP первый место.Pl достичь=PrP чтобы

‘[Кто приехал на эти соревнования, кто наслаждался ими по телевизору, тот знает, как много сил приложили участники казымского (ансамбля) «Мувтэл ар ёх»,] чтобы победить, чтобы завоевать первое место.’

Каждое из этих средств может передавать отношения цели и по отдельности, самостоятельно, ср.:

Ма дэты-яныци пата ци юхатсум. (ККО-1: 38)

ma le=tj jaš=tj päta sí jəxət=s=əm
 я есть=PrP пить=PrP чтобы это прийти=PAST=SUBJ/3Sg

‘Я ведь пришел сюда, чтобы поесть-попить.’

Ләдн тәм няврэмәт пида рәпитты, мосл ар вератты, нявдак па хошум сам тайты (ЛПХ).

ləłn tām nāwreəm=ət piła rəpit=tj mosl ar
 чтобы этот ребенок=Pl с работать=PrP надо много

werət=tj nāwlək pa χəšəm sām täj=tj
 уметь=PrP мягкий и теплый сердце иметь=PrP

‘Чтобы с этими детьми работать, надо много уметь, ласковое и доброе сердце иметь.’

Можно предположить, что монофинитные конструкции ощущаются носителями языка как недостаточно ярко маркированные. При наличии

синтетического или аналитико-синтетического способа выражения некоторого смысла, в предложении дополнительно появляется тот или иной аналитический синонимичный компонент.

* * *

Наличие большого количества аналитических средств, использующихся для связи частей ППК, является отличительной чертой современного этапа развития казымского диалекта хантыйского языка. Отсутствие в морфологической системе этого диалекта разветвленной падежной парадигмы (три падежа) и наличие всего лишь двух типов инфинитных форм – причастий и деепричастий – приводит к расширению функционирования аналитических способов связи: значительному превращению количества аналитико-синтетических конструкций над собственно синтетическими, а также формированию широкого круга аналитических скреп. Оно происходит не путем прямого заимствования отдельных лексем из русского языка, а с опорой на внутренние ресурсы, которыми исконно обладает данный диалект, т. е. за счет использования частиц и местоимений в новой для них функции – средства связи частей ППК. Таким образом происходит адаптация имеющихся языковых ресурсов к потребностям выражения новых смыслов и отношений, возникших в связи с расширением сферы функционирования хантыйского языка. При этом происходит перестройка языковой системы в целом, переориентация построения текста с использованием анафорических стратегий соотнесения ситуаций между собой.

Список использованной литературы

- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
 Ильенко С. Г. К вопросу об общей типологии сложного предложения // Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1982. С. 10-17.
 Кошкарёва Н. Б. Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.
 Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка: (Лексема или функция?) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1973. С. 36-57.
 Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по синтаксису сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.

Источники примеров и их условные обозначения

АМЕКМ	Арем-моньшем ед ки манд...: Если моя песня-сказка дальше пойдет. Вып. 1. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2003.
ККО-1	Кань кунш одаң. Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 1997.
ККО-2	Кань кунш одаң. Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 2. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2003.
ККО-3	Кань кунш одаң. Земля кошачьего локотка / Сост. Т. А. Молданов. Вып. 3. Томск: изд-во Том. гос. ун-та, 2003.
ЛПХ	газета «Ленин пант хуват».
Сенгенов	А. Сенгенов. Касум ики пуграт. СПб: Просвещение, 1994.
СНХ	Сказки народа ханты / Сост. Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарёва, В. Н. Соловар. СПб: Алфавит, 1995.
ХЯ	газета «Ханты ясаң»

Условные обозначения

ПЕ – предикативная единица; ГПЕ – главная предикативная единица; ЗПЕ – зависимая предикативная единица; ППК – полипредикативная конструкция; R – рема; T – тема.

∅ – нулевая морфема; = – граница между морфемами; // – лично-числовой или посессивный показатель.

ADJ – суффикс прилагательного; ADV – суффикс наречия; DIM – уменьшительно-ласкательный аффикс; DAT – дательного-направительного падеж; Du – двойственное число; LOC – местно-творительного падеж; NOM – основного падеж; OBJ – объектного спряжения глагола; PASS – страдательного залога; PAST – прошедшего времени; Pl – множественное число; PN – имя собственное; POSS – лично-притяжательного аффикс; PP – причастие прошедшего времени; Pr – настоящего времени; PrP – причастие настоящего времени; Sg – единственное число; SUBJ – субъектного спряжения глагола.